

Эдуард Днепров,
академик
Российской
академии
образования

В последнее время в образовательной политике, выстраиваемой в русле «либерального фундаментализма», господствующим стал взгляд на образование как на «сферу услуг». При этом так называемые либеральные реформаторы, формирующие сегодня антисоциальное устройство российской жизни, пытаются убедить общество, что «за образовательные услуги надо платить». Они стремятся вбить в общественное сознание предельно ложное представление, что «бесплатного» образования не бывает. Говоря словами министра образования и науки А. Фурсенко, «за образование платят либо государство, либо бизнес, либо сами обучающиеся».

В подобных утверждениях — или элементарное неведение, или демагогия, или прямой, циничный обман. Ибо во всём мире вот уже более двухсот лет **бесплатным** (для населения) называют образование, за которое платит государство, подчеркну — за счёт средств налогоплательщиков. Именно такое общепринятое понимание бесплатного образования закреплено в Конституции Российской Федерации.

Нас же «либеральные реформаторы» попросту пытаются заставить платить за образование дважды. И к тому же в один карман — Министерства финансов. То, что мы вынужденно собираем в помощь нашей нищей школе, Минфин стремится забрать себе (это называется «легализация теневых денежных потоков»). И нам теперь придётся вновь помогать обобранной Минфином, ещё более обнищавшей школе, т.е. платить за образование третий раз. Так «либеральная» схема «изъятия средств населения» на образование может работать бесконечно. Пока наконец это население не потребует от правительства чёткого ответа на вопрос, какая же доля подоходных и других налогов расходуется на нужды образования. Впрочем, как и на другие нужды — здравоохранения, науки, культуры.

Как отмечает известный экономист М. Делягин, говоря о планируемой сегодня реформе образования, «корень зла — в игнорировании специфики образования... Либеральные фундаменталисты воспринимают образование исключительно как часть сферы услуг, принципиально отрицая его особый характер. В образовании (да и здравоохранении) создаётся не просто добавленная стоимость, но главная производительная сила общества, более важная чем нефть, — человеческий капитал. Реформа не только не исправляет, но и усугубляет эту ошибку, которая действительно хуже любого преступления» (Московские новости. 2005. 25–30 марта).

Настойчивое навязывание взгляда на образование лишь как на «сферу услуг» — типичнейшая попытка нашего беспринципного доморощенного «либерального фундаментализма» превратить любую социальную норму в предмет «купли-продажи». И вместе с тем это ярчайшее свидетельство его нравственной, духовной извращённости, когда долг, обязанность по отношению к собственной стране и народу преподносится как «услуга».

В результате такого «услужливого» подхода мы сегодня оказались перед лицом **социального кризиса в образовании**. Он провоцируется новой антисоциальной политикой «либеральных реформаторов», взявших курс на социальное расслоение в стране, в частности на социальную сегрегацию в образовании, на образовательную дискриминацию основной части населения России. Теперь, когда государственные закрома трещат от избытка нефтедолларов и золотовалютных запасов, «либеральные фундаменталисты» в угоду своим античеловеческим догмам и, говоря словами Ю. Лужкова, «макроэкономическим виртуальностям» ввергают образование в социальный коллапс. Провоцируют в нём социальный взрыв. Ради чего?!

При этом они с неумным упорством продолжают «экономить на образовании». Не желая понять, что это — экономия на развитии нации, страны. Более того, это обкрадывание и нации, и страны. Считая образование «услугой», «товаром», они не только извращают его гуманистическую природу, но выхолащивают самую социальную суть образования как всеобщего, самоценного блага.

Между тем общеизвестно, что образование — это не только ключевая педагогическая, но и базовая социальная категория.

В собственно педагогическом плане — это обучение, воспитание и развитие личности, способной к самообучению, самовоспитанию, саморазвитию, к нравственному, духовному и гражданскому выбору и ответственности за этот выбор, к осознанию национальной идентичности и глобальных проблем современного мира, к профессиональному самоопределению и самостоятельной деятельности в условиях динамично меняющейся жизни для достижения личной самореализации и процветания страны.

В социальном плане — это одно из наиболее социально значимых благ, фундамент и основное средство приращения человеческого капитала нации.

В социально-политическом плане — это первейший инструмент формирования гражданских ценностей и гражданского сознания, становления гражданского демократического общества.

В социально-экономическом плане — это источник и основной ресурс экономического роста страны, её благосостояния и конкурентоспособности.

В цивилизационном плане — это основа преемственности культур и цивилизаций, мост, обеспечивающий сегодня переход к новому состоянию общества — обществу знаний и соответственно к экономике знаний.

Вот почему во всём цивилизованном мире общество и государство, кото-

рые стремятся к экономическому прогрессу и социально-политической стабильности, заинтересованы в развитии образования едва ли не более, чем отдалённо взятая личность.

И вот почему образовательная политика всегда составляет не только неотъемлемую, но **базовую** часть социальной политики.

Суть образовательной политики в предельном её значении и **состоит в выработке и реализации социальной идеологии и социальных приоритетов нации в сфере образования**. Эта идеология и эти приоритеты определяют в итоге цели, характер, специфику **национального образования** в трёх его основных ипостасях — как социального института, как системы образования и как образовательной практики.

К тому, что происходит у нас сегодня, сказанное выше относится со знаком «минус». Новый антисоциальный политический курс правительства, отчётливо проявившийся в 2004 г., определил и антисоциальную направленность, и антинациональный характер нынешней образовательной политики.

Известно расхожее мнение, что каждый народ имеет то правительство, которое он заслуживает. Это утверждение поверхностно и ложно, оно искажает реальное положение дел. Наш народ много выше нынешнего правительства — нравственно, умственно, духовно. Это правительство не достойно ни своего народа, ни своей страны.

На VI Международной конференции «Модернизация экономики и наращивание институтов» глава Минэкономразвития Г. Греф заявил, что на нынешнем уровне модернизации «уже не осталось безболезненных реформ», что все предстоящие реформы (в том числе и в сфере образования) «больно затронут десятки, сотни и даже миллионы людей».

Это заявление вдвойне ложно. Во-первых, это попытка убедить общество, что шоковая терапия по Гайдару,

приватизация по Чубайсу, равно как «зачистка» социального законодательства по Кудрину или монетизация льгот по Зурову, были безболезненными реформами. И, во-вторых, всем уже давно понятно, что наше правительство попросту не умеет проводить иные — нормальные, не болезненные реформы. Не умеет либо не хочет — в силу своего «либерального фундаментализма» или неობольшевистского презрения к собственной стране и народу.

В глазах народа само понятие «реформа» дискредитировано. Подобным же образом «властная элита» дискредитировала понятия «демократия», «свобода», «правовое государство» и многие другие. Однако ещё остаётся в силе укоренённое в народе понятие и требование **справедливости**. При переводе на язык права оно, по сути, тождественно понятию «социальное государство», которое и вызывает особую аллергию у либеральных неობольшевиков и фундаменталистов.

Но именно таковым провозгласила нашу страну Конституция Российской Федерации.

Первейшая задача образовательного сообщества состоит сегодня в том, чтобы отстоять в образовании коренное, более того, исконно русское требование социальной справедливости. Чтобы провести образовательную реформу, не причиняя вреда образованию и боли народу. Чтобы не превратить эту реформу в средство социальной дестабилизации и интеллектуальной деградации страны, а сделать её действенным фактором развития образовательного, человеческого потенциала нации. Но для этого образовательное сообщество должно выйти наконец из позиции «подопытных кроликов» и стать активным, полноправным, требовательным субъектом разработки и проведения реформы отечественного образования.

29 декабря 2001 года Правительство Российской Федерации одобрило «Концепцию модернизации российского образования на период до 2010 г.». Длительная дискуссия вокруг выбора термина — **реформа** или **модернизация** образования — завершилась, таким образом, в пользу последней. И это правильно — и с социально-психологической точки зрения, и по существу. *С социально-психологической точки зрения* потому, что общество, обожжённое шоковой терапией и сполна хлебнувшее горечь реформ последнего десятилетия, крайне отрицательно воспринимает само слово «реформа». *По существу* потому, что в российском образовании предстояло именно модернизация, а не реформа.

«Реформа» — это преобразование, переустройство. «Модернизация» — это усовершенствование, обновление, изменение в соответствии с требованиями современности. Модернизация образования — основа модернизации России, мощный фактор преодоления затянувшейся стадии «догоняющего развития». Но в первую очередь самому образованию предстояло «догнать» страну, качественно изменившую за по-

следние десять лет своё политическое и социально-экономическое устройство. Отечественному образованию предстояло догонять и страну, и мир. И потому, прежде чем стать **субъектом** модернизации страны, оно само должно неизбежно стать **объектом** глубокой и всесторонней модернизации, которая неосуществима только его, образования, внутренними усилиями, без активного участия общества и государства.

И здесь не следует драматизировать неизбежность «внешнего вмешательства», если мы хотим реальных изменений в образовании. Это — закономерность. Само образование, как показывает весь исторический опыт его развития, не может ни реформировать, ни модернизировать себя изнутри. Такова его природа. Рычаги глубинных изменений лежат вне системы образования. Ибо подобного рода изменения обуславливаются прежде всего переменами в общественной жизни, в социальной идеологии. Не говоря уже о том, что интересы самой системы образования далеко не всегда совпадают с интересами государства и общества в образовании. Как отмечал известный американский исследователь и деятель образования Ф. Кумбс в книге «Кризис образования в современном мире», образование обычно «упрямо противится нововведениям в своей собственной области», что периодически ставит его перед лицом кризиса. Из-за «инертности, присущей системам образования, они слишком медленно меняют свой внутренний уклад в ответ на поступающие извне запросы». По словам Ф. Кумбса, мировая практика наглядно свидетельствует, что «изменения внутри систем образования во многих странах были скорее результатом внешнего вмешательства, чем собственной инициативы». О том же говорит и опыт России.

Таким образом, образование только тогда может стать двигателем обновления и развития страны, когда

страна в лице общества и государства приведёт само образование в соответствие со своими современными потребностями, т.е. **модернизирует** его. Именно поэтому летом 2001 года Государственный совет Российской Федерации выдвинул задачу модернизации образования как первостепенный вопрос повестки дня. Тогда же была создана рабочая группа Государственного совета, которая разработала проект модернизации отечественного образования и приоритетные направления образовательной политики, обеспечивающие необходимые действия в данном направлении. 29 августа 2001 года этот проект был одобрен на заседании Государственного совета под председательством Президента РФ В.В. Путина и стал основой «Концепции модернизации российского образования на период до 2010 г.».

Модернизация российского образования имела, по существу, **три смысла, три измерения**.

Первое. Исторически она представляла собой логическое, закономерное **завершение образовательной реформы 1992 года**, одной из двух социально-гуманитарных реформ начала 1990-х годов, овеществлённых и юридически закреплённых в двух базовых законах молодой российской демократии — «Об образовании» и «О средствах массовой информации». Тогда не удалось провести комплексное, всестороннее обновление образования. Технологический этап реформы фактически не состоялся, и потому модернизация образования являла собой, по сути, этот **технологический этап**, проводимый с запозданием на девять лет. Ей предстояло создать многие нормативно-правовые и организационно-экономические механизмы, чтобы в полной мере мог быть реализован Закон РФ «Об образовании». Не случайно ряд ключевых идей проекта модернизации образования восходил к этому закону — выбор, многообразие и вариативность в образовании; его нормативно-бюд-

жетное финансирование; академическая и хозяйственно-экономическая самостоятельность учебных заведений; повышение статуса и усиление государственной поддержки работников образования и многое, многое другое.

Второе. В направлении **реконструкции, восстановления** образовательной отрасли модернизации предстояло преодолеть последствия глубочайшего социально-экономического кризиса 1990-х годов, который поставил эту отрасль на грань выживания, а педагогический корпус — за черту бедности. Здесь вставали труднейшие задачи по оздоровлению и развитию образовательной сферы, требующие напряжённых усилий государства, общества и самой системы образования, интенсивной и динамичной мобилизации её внешних и внутренних ресурсов.

Наконец, третье. Не менее сложны были задачи модернизации в части собственно **обновления** образования, преодоления всё более и более нарастающего его отставания от потребностей развития страны. Здесь задачи модернизации образования приобретали максимальную общенациональную значимость. Ибо страна проходила развилку, где определялось, будет ли образование фактором стагнации общества или же стимулом его экономического роста и благосостояния, ресурсом конкурентоспособности и национальной безопасности страны.

Такая постановка вопроса могла бы показаться излишне жёсткой: ведь мы привыкли к мысли, что у нас «самое лучшее в мире образование». Но, увы, даже «самое лучшее» имеет свойство стареть. Таков закон жизни. И здесь впору вспомнить известное кэрроловское правило: «Если хочешь оставаться на месте — надо бежать со всех ног; если хочешь продвигаться вперёд — надо бежать в два раза быстрее».

Учитывая названные измерения модернизации отечественного образования, нетрудно увидеть, что её технологические задачи многократно усложнились по сравнению с 1992 годом. Предстояло одновременно и обеспечить проведение в жизнь не реализованных с 1992 года положений Закона РФ «Об образовании», и разгрести в образовательной отрасли те завалы, которые остались от общего экономического коллапса и политического паралича 1990-х годов, и, наконец, приводить как само образование, так и образовательную систему в соответствие с потребностями современной российской жизни и с тенденциями развития образования в современном мире.

Общесистемный социально-экономический кризис 1990-х годов не только резко затормозил позитивные процессы в образовательной сфере, запущенные Законом 1992 года «Об образовании», но и во многом вывел эту сферу за рамки государственных и общественных интересов. Образование, по существу, оказалось брошенным на произвол судьбы и вынуждено было заняться самовывживанием, всё более абстрагируясь от реальных потребностей жизни, от запросов страны.

В результате произошёл **двойной разрыв**:

● **отрыв образования от государства** — в значительной мере *по вине самого государства, которое ушло из образования*; государственная образовательная политика редуцировалась до ведомственной политики, обслуживающей преимущественно интересы отрасли, а не страны;

● **отрыв образования от общества** — в значительной мере *по вине самого образования*, поскольку ведомственная политика мало учитывала интересы общества. Вместе с тем и само общество в условиях социального кризиса оказалось неспособным воздействовать должным образом на сферу образования, стать действенным субъектом образовательной политики.

Этот разрыв в системе «государство — образование — общество» имел по меньшей мере три серьёзнейших негативных последствия для образования. **Во-первых**, он обрёк систему образования на экономическое оскудение и сделал её полужакрытой структурой, нацеленной в основном на самообслуживание и самовоспроизводство. **Во-вторых**, он превратил сферу образования в зону наибольшей социальной напряжённости — учительские забастовки в общем показателе российских стачек в конце 90-х годов постоянно зашкаливали за 90–95%. И **в-третьих**, он привёл к существенному снижению эффективности и качества образования, к его оторванности от реальных потребностей современной жизни страны.

В этой оторванности образовательной отрасли от потребностей страны и состояла на рубеже веков основная коллизия российского образования, которую и призвана была разрешить модернизация образования. Она должна была преодолеть то состояние нашей системы образования, которое характеризовалось одним ключевым словом — «**неэффективность**»:

— **неэффективная экономика образования** — очевидно затратная, нецелевая, социально безадресная, подверженная коррупции и при этом абсолютно не поддающаяся счёту (попробуйте где-либо получить сведения о консолидированном бюджете образования, об эффективности использования выделенных на него средств, о стоимости и износе основных фондов системы образования и т.д. — безнадежно);

— **неэффективное содержание общего образования** — крайне устаревшее и перегруженное, наукообразное и нефункциональное, оторванное от реальных потребностей жизни (по официальному признанию Министерства образования, чтобы изучить всё, что требуют школьные программы, учащимся необходимо 167 часов в неделю, тогда как в неделе 168 часов; то же министерство не единожды констатировало, что более половины школьников не усваивают свыше 60% программного материала по математике, физике, химии, биологии. Сколько же стоит за этим страданий

детей, родителей, учителей, психологических, педагогических, социальных и финансовых затрат? Мёртвое содержание школьного образования нещадно перемалывает не только школьный бюджет, но и здоровье детей — основу генофонда нации);

— **неэффективное профессиональное образование**, не соответствующее как реальным и перспективным потребностям страны в кадрах, так и современным требованиям к их квалификации, в результате чего выпускники профессиональных учебных заведений всех уровней оказываются неконкурентоспособными и не востребованными на рынке труда;

— **неэффективная система социально-экономического обеспечения педагогических кадров**, ставящая их на грань нищеты, и столь же **неэффективная система подготовки этих кадров**, парализующая всякие позитивные изменения в школьном деле, готовящая для школы учителей вчерашнего дня;

— **неэффективное управление образованием**, предельно «оведомствлённое» и бюрократизированное, не способное мобилизовать как внесистемные, так и внутрисистемные факторы и ресурсы развития образования, функционирующее почти вслепую — без какого-либо прогноза в подготовке кадров и соотнесения его с потребностями рынка труда, без наличия социально-экономических и качественных показателей работы отрасли и даже без текущего мониторинга образования. (За три месяца деятельности рабочей группы Государственного совета, о которой речь шла выше, так и не удалось получить от Министерства образования не только сколь-нибудь внятные данные по экономике отрасли в федеральном и региональном разрезе, но даже такие элементарные сведения, как: трудоустройство выпускников профессионального образования, состояние здоровья школьников, уровень их успеваемости, отсеиваемых учащихся из школы.

Без этих сведений невозможно было даже приступить к решению проблемы доступности образования.)

И вот теперь самое время вернуться к легенде о нашем «самом лучшем в мире образовании». Может ли быть таковым предельно неэффективное образование, принадлежащее, по сути, другой цивилизационной эпохе?

Существовавшая отечественная система образования действительно выстраивалась в принципиально иную эпоху — на переходе страны от аграрной к индустриальной стадии развития. И она неплохо справлялась с задачами своей эпохи. Но эпоха ушла в небытие, а образование осталось прежним, способным воспроизводить лишь отживший тип политических и социально-экономических отношений. Модернизация образования должна была довершить основную задачу образовательной реформы 1992 года — преодолеть, снять это противоречие. Она должна была обеспечить новое, современное качество образования, выстроить эффективную образовательную систему, с действенной экономикой и управлением, соответствующую запросам современной жизни и потребностям развития страны, повернутую лицом, а не спиной к интересам личности, общества, государства.

Модернизация образования имеет две **фундаментальные особенности** (и в то же время две новые задачи), диктуемые вхождением российского общества и отечественного образования в принципиально новую стадию своего развития.

Первое. На современном этапе общественной жизни российское образование становится важнейшей **социально-политической, социально-гуманитарной сферой**, призванной обеспечить вхождение молодого поколения в гражданское демократическое общество.

И второе. В нынешних условиях образование оказывается в прямом смысле важнейшей **экономической от-**

раслью. Оно играет всё более решающую роль в накоплении и развитии человеческого капитала, который в развитых странах мира обеспечивает 64% валового национального продукта, оставляя на долю физического капитала 16% и на долю природного фактора 20%.

В России же сегодня, где усилиями макроэкономических фундаменталистов оказались обескровленными и реальный сектор экономики, и наука, и образование, напротив, 72% ВВП держится на природном факторе, 14% даёт физический капитал и 14% — человеческий капитал (Независимая газета. 2005. 23 марта). Очевидно, что перспективы роста благосостояния страны — на пути увеличения значимости человеческого капитала в России, а следовательно, значимости российского образования. Этот путь может стать реальным только при масштабной модернизации отечественного образования.

Так задумывалась и так разворачивалась с 2001 года модернизация российского образования. Однако уже тогда «либеральные фундаменталисты» в правительстве заложили под неё мину замедленного действия. При одобрении Концепции модернизации российского образования 29 декабря 2001 года правительство под жёстким давлением Министерства финансов устранило из неё практически все конкретные цифры (поскольку они налагают вполне конкретную ответственность), в том числе: планируемое в ближайшее время повышение доли бюджетных расходов на образование в структуре ВВП с 3,5 до 4,5%; намеченное ежегодное увеличение финансирования образования из федерального бюджета не менее чем на 25% в год в реальном выражении и не менее чем на 10% из бюджетов регионов. Министр финансов А. Кудрин решительно заявил, что эти и подобные цифры пройдут в концепцию только «через его труп».

В той же логике урезания концепции и освобождения правительства от ответственности Минфином были усечены из документа: сама мысль о необходимости введения в образование государственных минимальных социальных стандартов; намерение установить минимальную ставку оплаты труда педагогических работников на уровне не ниже прожиточного минимума; все упоминания о налоговых льготах в сфере образования; даже права детей на бесплатное посещение музеев и многое, многое другое.

Как показало последующее развитие событий, особенно в 2004 году, когда правительственная политика вышла на откровенно антисоциальный курс, названные выше изменения, внесённые Министерством финансов в Концепцию модернизации российского образования, являлись лишь лёгкой разминкой.

В заключение есть смысл более широко посмотреть на грядущие беды образования, науки, культуры в контексте общей социальной ситуации в стране. Для того чтобы предотв-

ратить эти беды, обитателям названных сфер необходимо сделать по меньшей мере три серьёзных шага в «разгерметизации» своего гражданского самосознания.

Во-первых, предстоит понять, что нет отдельного бытия культуры, науки и образования. Их единую судьбу определяет общее отношение к духовной сфере со стороны правительства, которое может дать им необходимую степень свободы и государственной поддержки, а может лишить того и другого, что мы видим сегодня. Было бы иллюзией полагать, что какая-то из этих сфер способна самостоятельно противостоять нынешнему напору правительственных неობольшевиков. Поэтому пора вспомнить завет Булата Окуджавы и объединить усилия, «чтоб не пропасть поодиночке».

Во-вторых, — и это главное, — предстоит осознать, что отношение власти к образованию, науке, культуре лишь отражение её общей социальной политики, то есть её отношения к обществу. Что и образование, и наука, и культура живут отнюдь не в отдельных особняках, а в том же полуразрушенном, разорённом здании, которое называется социальной сферой. Жильцы нижних этажей этого здания — ветераны и пенсионеры — уже вышли на улицы, пока деятели культуры, науки и образования горячо, но как всегда разрозненно обсуждают свои проблемы. Не задумываясь над тем, что эти проблемы лишь отголоски надвигающейся социальной катастрофы.

Судя по некоторым лозунгам «ситцевой революции» («Нет социальному террору!», «Не хотим быть жертвами геноцида!» и др.), её участники раньше и глубже, чем деятели культуры, науки и образования, поняли суть происходящего. Равно как и подлинную суть антинародного закона № 122. Главное в нём, повторим, не провальная монетизация льгот, а **кардинальное изменение социальной политики** в стране

и соответственно социального законодательства, финансовое удушение социальной и духовной сферы, а подчас и просто уничтожение отдельных их институтов. Известно, что предстоящая реформа здравоохранения должна, как и рекомендовал Всемирный банк (поразительно озабоченный судьбами России), ликвидировать, в частности, сеть детских поликлиник и женских консультаций — и это при том, что страна входит в глубокую демографическую яму, при высоком уровне у нас детской смертности и низкой рождаемости, при критическом состоянии здоровья детей. Наконец, итоговая цель этой каннибальской социальной политики — превратить социальную сферу в зону выживания или вымирания. На выбор. В полном соответствии с идеологией социал-дарвинизма — базового основания новой социальной политики правительства и проводимых им социальных реформ.

Посему надо не разрозненно выступать в поддержку только театров или музеев, библиотек, медицины, науки или образования. Необходимо сплотить силы для противостояния этой социальной политике, для защиты и социальной, и духовной сферы.

Наконец, в-третьих, предстоит вспомнить, что власть бесчинствует, пока не встречает гражданского сопротивления. События начала 2005 года ещё раз наглядно это показали и многому научили. Народ начинает понимать, что его активные действия дают реальный результат. Если культура, наука, образование, а также здравоохранение (погром которого не за горами) вольются в это гражданское сопротивление, то мы сможем предотвратить социальную и духовную катастрофу.

Если нет — их «отстреляют» поодиночке. А народ всё равно выстоит и переживёт, если не перемелет, любую власть. **НО**

